

Скелеты Острова мух

Автор:

Евгений Касьяненко

Скелеты Острова мух

Евгений Касьяненко

Тема робинзонад и таинственных островов сокровищ никогда не будет исчерпана.

Новая книга ростовского писателя и журналиста Евгения Касьяненко - остроприключенская повесть на эту вечную тему. Начав её читать, вы вряд ли оторветесь на сон.

Евгений Касьяненко

Скелеты и сокровища Острова мух

Едят, когда хотят. Пьют, когда испытывают жажду. Спят, когда клонит ко сну, и если до постели далеко, то ложатся под первым же кустом, только не под пальмой: если кокосовый орех упадет на голову, он может убить насмерть.

А. Фальк-Рёнке. «Слева по борту-рай»

Глава первая, в которой я описываю свою жизнь до Острова мух

...Время от времени меня вновь навещает ставший привычным этот цветной сон. Я плыву в зеленовато-синей воде подводной пещеры, откуда-то сзади, от входа пробивается последний луч заходящего солнца. Но тут я вижу на дне пещеры чудовищный призрак, в ужасе стремлюсь наверх и... просыпаюсь в холодном поту.

Почти все мы читали в детстве удивительные книги о людях, попавших волею судеб на дальние острова, затерянные в океане: «Жизнь и приключения Робинзона Крузо» Даниэля Дефо, «Остров сокровищ» Роберта Стивенсона, «Таинственный остров» Жюль Верна. Казалось бы, времена, описанные в этих книгах, навсегда остались в прошлом. После того, как Юрий Гагарин за 108 минут облетел нашу планету, все мы поняли, какая она, Земля, в сущности, маленькая и сама походит на островок жизни в океане бездушных звезд.

Однако ужасные приключения, случившиеся со мной недавно на крошечном островке в Атлантике, заставили меня поверить, что подобное может случиться и сегодня.

Впрочем, расскажу обо всем по порядку.

По сути дела, вся эта история началась за несколько лет до описываемых мною событий. Если бы не развелись мои родители, если бы моя мать не вышла второй раз замуж, то, наверное, я бы тогда никогда не побывал в тропиках, на другом конце земного шара, и никогда бы не узнал про злосчастный Остров мух.

Я родился в семье русского офицера, который служил в маленьком гарнизоне на Крайнем Севере. Там же, продавцом в гарнизонном магазине работала и моя мать. Когда она забеременела, родители решили, что будет лучше, если мать родит меня у себя на родине, в Средней полосе России. Так я появился на свет в старинном русском городке на Волге. Когда у матери закончился декретный отпуск, она оставила меня жить у бабушки, а сама вернулась к отцу. Я жил с бабушкой и дедушкой в маленьком домике на самом берегу одной из протоков Волги, заросшей рогозом и камышом.

Пенсия у стариков была маленькой, а помощь от моих родителей редкой и небольшой, потому что отец был вынужден помогать и своим родителям, живущим на другом конце громадной страны. Стремясь поправить семейный бюджет, дед часто браконьерствовал. Когда мне исполнилось пять лет, он стал меня брать на ночную постановку сетей в протоке. Я садился за весла и, стараясь грести как можно более бесшумно, без всплесков опуская весла в воду, пересекал по несколько раз пятидесятиметровую протоку, а дед, сидя на корме, ставил сети.

Несколько раз нас за этим занятием настигали инспекторы рыбохраны, но это оканчивалось ничем. Дед ведь был отставным речником, водил в свое время по Волге теплоходы и его все хорошо знали. Поэтому молодые инспекторы, смущаясь от своей неприятной работы, лишь по-дружески журили старика:

– Ну, что ж ты, Андреич...

Дед слабо оправдывался, теребя бороду:

– Так время же такое, ребята. На одну пенсию не проживешь..

Инспекторы допытывались:

– Сколько сетей поставил?

– Две. Какая уж тут в протоке рыба? Десяток-другой карасей за ночь, да и всё. – И кивал на меня. – Поймаю рыбки и засолю. Местным алкашам под пиво, а вырученную денежку внуку собираю на лисапед.

Сказав несколько назидательных фраз, инспекторы уезжали, взревев подвесным мотором своего катера.

Только один раз сети у нас отняли. Но на другой день дед, надев свой потрепанный капитанский китель и положив в кошелку две бутылки бабушкиной самогонки, пошел их выручать и вернулся с сетями, хотя и сильно навеселе.

Однако в этом нашем ночном браконьерстве было море романтики, если бы я в то время понимал значение этого слова. Полная луна серебрила реку. Нередко в

ночной тиши громко била хвостом какая-то большая рыба и дед уважительно говорил:

- Однако наш Сом Сомыч проснулся.

- А большой он будет, дед?

- Метра два, не меньше. Утку запросто на дно утащит. Сети мне рвет, разбойник.

- Сколько же ему лет?

- Наверное, не моложе меня. Сколько здесь живу, столько его и помню. Заметил, что лягушек у нас в протоке, считай, что теперь и нет. Всех сожрал.

- Может, выловим его, дед?

- Он нам лодку перевернет. Да и не вкусный он, тухлявый от старости, тиной пропах.

Днем я часто помогал бабушке пасти коз на соседнем пустыре, точнее, подменял её, когда она уходила готовить еду. Никакого труда эта работа не составляла. Коз у нас было пятеро, спокойных и не бодливых. Нужно было только время от времени переставлять колышки с привязанными к ним за веревку козами на новый, свежий участок травы. Доила их сама бабушка.

Но занимали меня по хозяйству мало. Большую часть времени я проводил в компании своих друзей. Наша ватага собрала из разного деревянного хлама – досок, старых дверей, выброшенных за ненадобностью, бревен – большой плот, который выдерживал шесть-восемь пацанов и лихо скользил по нашей протоке, управляемый шестами. Это был наш речной крейсер. На нем мы рыбачили, ловили раков и переправляли на другой берег свои велосипеды (дед выполнил свое обещание), чтобы съездить в лес, который был километрах в десяти от нашего городка. И там ели до отвала малину, ежевику, собирали грибы и ягоды.

Мое беззаботное детство у дедушки и бабушки закончилось, когда мне исполнилось семь лет. Приехала мать, чтобы забрать меня в Заполярье. Там, в

довольно большом поселке, я должен был учиться в школе.

В поселке, окруженном сопками, было несколько рудников и воинская часть, которой командовал мой отец. Мы жили в многоквартирном бревенчатом одноэтажном доме, распластанном между подножием сопки и бухтой. Он официально назывался ДОСом – домом офицерского состава, но мать, назло отцу, неизменно называла его «проклятым бараком». Кроме электричества, никаких удобств в доме не было. Воду нам привозили с водокачки на тракторе, а туалетом служил закуток с выносным ведром под стульчаком. Я еще застал полярное лето, когда приехал, но уже в сентябре выпал снег, а скоро закружили метели. В пургу, в полярную ночь, даже в школу в двух сотнях метрах от нашего дома приходилось ходить, держась за веревку, протянутую вдоль дороги, чтобы не заблудиться и не замерзнуть в белой мгле, когда идущего навстречу человека можно разглядеть только за метр.

Впрочем, дед меня приучил к трудностям, и скоро я освоился в этом неласковом крае. В зимние месяцы, придя из школы и сделав уроки, я потом часами играл с соседскими ребятами в коридоре нашего ДОСа, либо у кого-то в квартире. Если и в доме было холодно, мы, закутавшись в одеяла, рассказывали друг другу страшные истории, особенно о посещении поселка белыми медведями, что было вовсе не редкостью.

А когда пурга стихала, мы отваживались прогуляться в сопки. Несколько раз я приходил в часть к отцу и сдружился со служившими там солдатами. У некоторых из солдат остались на родине младшие братья, и они с удовольствием со мной проводили свободное время. Полным счастьем было, когда они, с разрешения отца, сделали мне настоящую собачью упряжку: небольшие нарты, в которые впрягли четырех лохматых псов, выбракованных из упряжек местных жителей – чукчей и эскимосов.

Собаки были выбракованы аборигенами по странной причине – это были здоровенные сильные лайки, но обладавшие слишком добродушным, покладистым характером. А настоящая ездовая лайка должна быть, оказывается, злобной, иначе не выживет в стае, где у неё будут отнимать еду другие псы. Но для мальчишки эти веселые, ласковые псы были настоящей находкой. Солдаты сами построили возле нашего барака ледяной дом – чум,

сложив его из выпиленных плит многолетнего льда, и раз в день приносили лайкам ведро отбросов из солдатской столовой.

Теперь, когда стояла хорошая погода, я впрягал лаек в упряжку, и они мигом доставляли меня на вершину ближайшей сопки. Там я отстегивал упряжь и летел с горы на нартах, как на обычных санках, а собаки, радостно лая, бежали следом. Поскольку моя упряжка могла поднять в гору только одного мальчишку, внизу выстраивалась очередь из желающих прокатиться с ветерком. Только у одного меня была привилегия, как у хозяина упряжки: каждая третья поездка считалась моей. Но иногда я великодушно уступал очередь соседской девочке.

Учился в школе я хорошо, предметы мне давались легко, а по английскому вообще был первым учеником в школе. У меня была природная склонность к языкам. Чужие языки меня завораживали. Любое незнакомое мне слово я пытался разгадать сам, не обращаясь к словарю и выискивая в нем знакомые корни и знакомое звучание. Готовя уроки дома, я нередко настраивал радиоприемник на какую-нибудь американскую радиостанцию, которые в нашем краю принимались очень хорошо, и вполуха слушал их речь. А иногда это были франкоязычные передачи из Канады или даже на испанском из Мексики. По произношению английских слов у меня случались споры с учительницей. Она-то учила в институте классический английский, а я знал – на слух – американский диалект. Однако, когда в нашей школе как-то побывали несколько американских ученых-полярников, с ними я общался без всяких сложностей, а вот учительницу они порой переспрашивали, уточняя значение слов.

Из других предметов я больше всего любил физику. У нас был отличный учитель физики, бывший метеоролог, влюбленный в Заполярье и решивший здесь жить до конца своих дней. Когда наступало полярное лето, а это всего два-три месяца в году без снега, он организовывал для ребят походы в сопки. Там мы жили на заброшенных зимовьях, запускали в небо авиамodelи, сделанные в техническом кружке в долгие зимние месяцы, а как-то раз построили за несколько дней настоящую крохотную электростанцию на горном ручье. Самым трудным в этом деле оказалось не само строительство, а необходимость притащить силами дюжины ребят в сопки центнер цемента, самодельную маленькую турбину и генератор. Поэтому на 20 километров пути мы потратили целый день. Но когда запруда из камней, скрепленных цементом, была сделана, установлены турбина и генератор, учитель, хитро сощурившись, сказал:

– А теперь пусть кто-нибудь скажет: какова будет мощность нашей мини-ГЭС?

- Чего же тут сложного, - сразу ответил я, - до двух киловатт.

Учитель был поражен:

- Ну-ка, ну-ка, расскажи, как ты это рассчитал?

- Так и рассчитал.

- Нет, подробнее: напор воды, КПД установки.

Тут я не выдержал и под общий хохот сказал:

- Так я же тащил генератор. На нем написано - два киловатта.

Теперь каждый, кто посетил зимовье после нас, мог пользоваться дармовой электроэнергией: вскипятить чайник на электроплите, зарядить аккумуляторы, послушать приемник.

Я вполне обжился в Заполярье и тоже полюбил его. Особенно оно красиво в период цветения полярных тюльпанов, камнеломок, покрывающих скалы. А еще у нас в сопках было место, где били горячие ключи. Там тоже сделали запруду. Купаться в ней можно было даже осенью, когда шел снег. Но нас, подростков, туда в это время не пускали. Была большая вероятность, что после купания, уже одевшись в бараньи полушубки или местные кухлянки, можно схватить простуду и слечь с воспалением легких.

Как я сказал, наш поселок стоял на берегу бухты. Вспомнив свою жизнь на Волге, я летом предложил одноклассникам сделать плот. Мы с энтузиазмом взялись за дело, благо бревен на берегу, упавших с теплоходов-лесовозов во время разгрузки, было видимо-невидимо. Но солдаты из части, которые маялись от безделья во время своих увольнительных - пойти-то в поселке было некуда - наш плот забраковали. Со скользких бревен плота было легко упасть в воду, которая и летом была в бухте чуть выше нуля. За несколько часов они превратили наш плот в настоящий корабль: поставили бревна на шесть пустых металлических бочек из-под горючего (в Заполярье этими бочками усеяны все берега), сколотили поручни-ограждения и в, довершении, установили мачту и кормовое весло-руль. Теперь на этом плоту под парусом, сделанным из старого

автомобильного тента, мы с легкостью пересекали бухту во всех направлениях.

У нашего плота появилось и полезная для всех функция. Когда он стоял у берега, к нему было удобно швартоваться моторкам аборигенов. Иногда мы, сбросившись с ребятами по несколько рублей, просили кого-то из взрослых купить бутылку питьевого спирта в магазине. Эта бутылка переключивалась в карман кухлянки одного из аборигенов, он цеплял наш плот к своей моторке и возил с ветерком по бухте, не забывая прикладываться к бутылке.

А потом в очередной раз моя жизнь сделала крутой поворот. Отец уже прослужил в Заполярье 15 лет, стал подполковником, выработал полярный стаж и мог в свои сорок лет уйти на пенсию, поселиться в Средней полосе, о чем давно мечтала мать.

Однако вскоре его вызвали в штаб округа, откуда он вернулся порядком смущенный. Дело в том, что командующий округом сделал ему предложение: не уходить в запас, получить очередную, полковничью звезду и возглавить отдельную часть на далеком полярном острове, где, кроме его части, вообще ничего не было. И тогда через пару лет отца бы направили на учебу в Академию Генерального штаба.

Мать была взбешена:

- Мы туда не поедим. Что, с белыми медведями целоваться? Ты подумал, где будет сын оканчивать школу?

- Александр уже взрослый. Спокойно проживет эти годы в интернате. А если захочет, могу устроить его в суворовское училище. Поздновато для него, но парень физически сильный, догонит сверстников.

- У него талант к языкам, - возразила мать, - он будет оканчивать иняз.

- Но ведь можно стать военным переводчиком, - настаивал отец.

Скандал между родителями продолжался несколько часов. Мать наотрез отказалась уезжать. Решили, что отец поедет служить один.

Я тогда не придавал этому большого значения: ну, проживем какое-то время без отца, зато через несколько лет мой папа станет генералом. Но случилось непредвиденное: через полгода мать тайком подала на развод, о чем я узнал только задним числом, а еще через год она объявила мне, что у меня будет отчим.

Вскоре он появился у нас дома.

Как и следовало ожидать, отчима я встретил в штаны. Этот человек был полной противоположностью отцу. Отец – высокий и очень сильный человек, ежедневно делавший зарядку с двухпудовыми гирями, а отчим был невысок ростом и щуплый. Кроме того, отец всегда был очень серьезен и редко шутил, даже дома, а отчим происходил из породы весельчаков.

Но надо признать, повел он себя со мной умно. В друзья не набивался, однако дал понять, что отныне любая моя прихоть будет выполняться. Почти мгновенно у меня вместо старенького 486-го компьютера, оставшегося от отца, появился новейший ноутбук. Отчим был бизнесменом средней руки и сам привез его из США, куда ездил время от времени. Из ненавистного матери ДОСа мы переехали в каменный дом, правда, очень холодный. Как-то отчим даже стал поговаривать о том, что пора бы сменить мою собачью упряжку на современный снегоход, но я, переборюв себя, вежливо отказался.

Так мы прожили пару лет. Время от времени со своего далекого острова звонил отец и просил позвать меня, расспрашивал, не изменились ли мои планы на будущее, нужна ли мне помощь. Но я чувствовал, что мы уже порядком отделились.

И вдруг события стали меняться с ужасающей силой, как в калейдоскопе. Мать по-прежнему работала продавцом в гарнизонном магазине. В один из дней я узнал, что против неё заведено уголовное дело за растрату. Естественно, я сразу заподозрил, что она провернула какие-то дела совместно с отчимом и виноват последний. Но мать плакала и божилась, что отчим тут ни при чем, и просила меня, если её посадят в тюрьму, «не бросать отчима, потому что он человек слабый и может сломаться». Мне так не казалось, но и уходить от отчима тоже было некуда, если матери дадут срок.

Матери дали три года тюрьмы. Отчим успокаивал меня и говорил, что за хорошее поведение мать могут освободить через полтора года. Потом прилетел мой отец, и они долго и, как мне казалось, вполне дружески, проговорили с отчимом далеко за полночь, выпив две бутылки водки. Утром они объявили мне свое совместное решение: поскольку я уже перешел в девятый класс, то школу буду оканчивать в поселке и жить с отчимом, а о дальнейшей моей судьбе они, отец и отчим, будут думать совместно.

– К тому же, тебе нужно время от времени навещать мать, – добавил отец. – От их колонии до поселка 20 километров. Думаю, что к твоему окончанию школы мать действительно будет на свободе.

Потом они мне сообщили приятную новость: летние каникулы я проведу на Волге, с бабушкой и дедушкой, которых не видел с семи лет. Отец выложил из кармана толстую пачку денег на мой проезд. Отчим тут же возмутился и сказал, что расходы он берет на себя. Они малость поконфликтовали, но сошлись в мнении, что расходы на мою поездку поделят поровну.

Отец улетел на вертолете, принадлежавшем его части, а я стал жить с отчимом. Мы жили довольно дружно. Отчим любил сам готовить еду и каждый день приносил с работы всякую вкуснятину со своей фирмы. Фирменным его блюдом были громадные, чуть ли не с человеческую руку клешни дальневосточных крабов, которые он готовил по собственному рецепту с множеством специй. Единственное, что омрачало нашу жизнь – отчим в отсутствие матери стал много пить. Бутылка водки или виски за вечер стала для него нормой. Но ко мне со своими любезностями он по-прежнему не приставал, инстинктивно чувствуя, что я держу дистанцию.

А весной случилось новое ЧП. Отчим пришел с работы рано, трезвый, и с порога объявил:

– Александр, произошло чудо: мы – миллионеры!

– Продали американцам щетину от гарнизонных свиней? – съехидничал я. – А щетина превратилась в золото, как в том старом советском фильме?

– Без всяких шуток: мы – миллионеры.

И потряс в воздухе какой-то бумажкой.

– Что это такое?

– Меня, старина, уже полгода разыскивают по всему миру, как наследника крупного состояния. Нашли, наконец.

– И что же это за состояние?

– Не поверишь: остров. Остров в Карибском море. Он называется, – отчим заглянул в бумажку, – Moscas de la isla.

– Если я правильно понимаю, то на испанском языке это, кажется, мушиный остров или остров мух.

– Мух ни мух, – рассмеялся отчим, – но стоит он, как тут пишут юристы, три миллиона долларов.

Я рассмеялся:

– Поздравляю. В интернете полным-полно «писем счастья» из Нигерии, где сообщается, что вы стали наследником многомиллионного состояния. Нужно только вложить несколько десятков тысяч долларов, чтобы оформить наследство.

Отчим разозлился:

– За кого ты меня принимаешь? Я как-никак бизнесмен и в этом кое-что смыслю. Уже звонил в Москву и мне наши российские юристы подтвердили, что всё правильно, наследник разыскивается.

– Кто же этот граф Монте-Кристо, который оставил вам миллионы?

Он рассмеялся:

- Не поверишь, я никогда его в глаза не видел, хотя знал, что был такой человек. Кажется, я тебе рассказывал, что родом я с Кубани. В нашем селе жила и моя тетка, старшая сестра моей матери. Вот её-то я помню, совсем старенькой. А её муж в войну был у немцев полицаем и сбежал вместе с оккупантами, когда те отступали. Без жены. Детей у них не было. На Западе он тоже семьей не обзавелся. Вот и получается, что я - его единственный наследник.

- И не в облом наследовать фашистские деньги?

- Какие фашистские? Там, на Западе он сам долго перебивался с хлеба на воду, тётка рассказывала, какие он ей слезные письма слал. Но, видать, разбогател, в конце концов, если остров купил.

- Разве остров можно купить?

- Да запросто, были бы деньги. Да и не полная эта продажа - аренда у государства на 99 лет. Но нам-то что до этого? Через 99 лет нас не будет. А вот передать эту аренду наследнику по закону можно.

- Что-то это сомнительно...

- Всё по закону, только мне лететь туда нужно, чтобы в наследство вступить. И оформить кучу бумаг. Придется продать свое дело здесь.

- Не торопитесь.

Отчим махнул рукой:

- Меня только волнует, что делать с тобой? - И вдруг он просиял: - Господи, а я еще думал, как же решить проблему с переводчиком?! В языках-то я плаваю. Облапошат еще, подпишу что-нибудь не то. Решено: летим вместе. Будешь у меня за переводчика.

- Мне шестнадцать лет.

- Но паспорт ведь уже получил? Возьмем официальное разрешение у матери, что отпускает тебя со мной.

Это было сказочное предложение. Облететь, по сути, весь земной шар. Я недоверчиво смотрел на отчима. Лишь бы он не передумал. Лишь бы не передумал...

- Так как, рванем на необитаемый остров? - рассмеялся отчим.

- Рванем.

- А ты не забыл, что должен летом ехать на Волгу, к бабушке и дедушке?

У меня, видимо, было столько досады на лице, что он стал хохотать:

- Документы на наследство придется оформлять довольно долго. Переписка через всю планету: пока придет одна бумага, потом другая. Так что это займет не менее двух месяцев. Здесь, в России. А ты пока поживешь на Волге. Потом, в августе, я тебя заберу, и полетим на Карибы из Москвы.

- До Москвы я сам доберусь.

- Вот и прекрасно. А у меня для тебя есть подарок. Я как-то подумал: брать тебе в дорогу ноутбук неудобно - он всё-таки тяжелый, громоздкий.

Отчим стал разворачивать небольшой пакет.

- Догадываешься, что это такое?

- Неужели электронный планшет?!

Улыбаясь, отчим постучал себя пальцем по щеке: мол, целуй.

Конечно, я его поцеловал. Первый раз в жизни. Это, и правда была мечта. Теперь бы мне позавидовал каждый чукотский мальчишка.

Глава вторая, в которой я рассказываю про свою «тренировку» на Волге

Я не видел деда и бабушку девять лет. Разумеется, они сильно сдали, постоянно жаловались на свои болячки. Дед уже не браконьерствовал, а бабушка продала своих коз. Однако к этому времени жизнь в стране уже более-менее наладилась, пенсии у них выросли и жили они неплохо. Правда, их достаток должны были пополнить огород и бахча, которые они разбили, взяв разрешение у властей, на одном из островков в протоке Волги.

Но здесь была новая напасть: поспевал урожай, и дед очень боялся, что им он не достанется – украдут мальчишки или какие-нибудь забулдыги, чтобы выручить деньги на выпивку. Островок был в пяти километрах от дома, вниз по реке. Хотя дед, как всегда, тщательно подготовился к своему новому делу – купил на свою лодчонку старенький двух сильный подвесной мотор и мог теперь часто бывать на островке, это его не успокаивало.

На четвертый день после моего приезда к старикам, дед стал собирать свой издавший виды рюкзак.

– Обнесут огород и бахчу, как пить дать, – переживал он. – Разве за ними уследишь. Там ведь только мы одни и завели хозяйство. Придется, видимо, мне строить на острове шалаш и дежурить с дударкой.

«Дударкой» дед называл свое допотопное охотничье ружье, которому было чуть ли не сто лет.

У меня загорелись глаза:

– Некуда ты, дед, не поедешь. Дашь мне свою дударку с солью, и я сам поживу на острове.

Дед одобрил это предложение.

– Возьмешь еще пару жаканов на всякий случай. На двуногую дичь. Разное бывает.

Бабушка заохала:

- Да, куда ж ты, внучок, один? Я же тебя откормить должна. Вон, какой худой. Бедный ты мой! Мать в тюрьме, с отчимом живешь.

Пришлось заступиться за отчима:

- Он меня кормит на убой. А я - самый сильный в классе. И вообще, если хотите знать, скоро мы станем миллионерами. Отчим в наследство остров получил. Не такой, как этот, на волжской протоке, а настоящий, необитаемый, в Америке, в Карибском море. В августе туда полетим.

- В Америку? Батюшки святы! - бабушка схватилась за валерьянку.

Дед сурово пресек её готовящийся плач:

- Хватит ныть. У молодых своя жизнь. Мир стал другой. Увидит Америку, умнее станет. - Потом обернулся ко мне: - Так где, говоришь, остров? В Карибском море? Неужели?

- Сейчас покажу, - я побежал за планшетом, куда уже скачал через интернет карту региона.

Дед сначала долго вертел в руках сам планшет, причмокивая и бормоча: «Надо же, как шагнула техника», потом нацепил очки и стал рассматривать на дисплее карту Кариб. Вздохнул и осторожно положил планшет на стол, сказав: «А ведь был и у меня, внук, в молодости выбор: или стать моряком, или речником. Выбрал реку. Но ведь и у нас на Волге хорошо, разве не так?»

- Хорошо, дедушка.

- Тогда завтра поплывем на остров. Построим шалаш.

- Как? Уже завтра? - возмутилась бабушка - Пусть отдохнет еще хоть несколько дней.

- На острове и отдохнет. Там раздолье, а урожай уже поспевает. Заодно ему будет... «тренировка» в Робинзоны, - подмигнул мне дед. - Если мечтаешь о карибских пиратах, то скорее ты их у нас найдешь, на Волге. Про жаканы мне

утром напомни.

...

Безымянный островок на протоке был шириной всего метров в сорок-пятьдесят, но длинный – метров триста. Выше по течению его венчала песчаная коса, потом была ровная площадка, где и расположился дедов огород, потом, за небольшим холмом начиналась низина, заросшая деревьями и кустарником. Видимо, в паводок это место заливалось водой, потому что половина деревьев стояли сухими и безлиственными. Многие из них упали, и пробраться на южную оконечность острова, буйно поросшую травой в человеческий рост, было достаточно сложно.

В одном месте холма, в сторону огорода, на поверхность выходила каменная скала, видимо, когда-то и вынудившая реку создать в этом месте остров. Посоветовавшись с дедом, мы решили использовать небольшую пещерку в основании скалы, в руку длиною, и вплотную к ней пристроить шалаш. Натаскали из низины за холмом сухой, сделали из него остов шалаша, а сверху положили камыш в несколько слоев. Пещерка, которой заканчивался шалаш, страховала сооружение на случай проливного дождя, здесь можно было хранить вещи, спички и мой планшет.

Под вечер дед засобирался домой, глухо сказав, что ночевать на матрасе, набитом травой, ему не позволяет «чертов ревматизм». Оставил мне двустволку, патроны с солью и два жакана – пули для стрельбы из гладкоствольного ружья. Я поначалу отказывался их брать – не по вороватым мальчишкам же из них стрелять, но дед, хитро ухмыльнувшись, сказал, что на острова часто заплывают дикие кабаны.

– Вот бы бабка обрадовалась свежей кабанятине, – дед так и остался в душе браконьером. – Только заряжай жаканами оба ствола и стреляй наверняка. Лучше бы тебе убить подсвинка, а не взрослого кабана. Проманешься и только ранишь – задерет клыками и съест. Натурально съест – они всеядные.

Мы договорились, что дед будет приплывать ко мне через день, и в каждый второй свой визит забирать мой планшет на подзарядку. Увы, как почти у всех планшетов, у моего тоже был крупный недостаток – несменяемый, встроенный аккумулятор.

...

Вся моя «обязаловка» на острове свелась к тому, что каждый день ранним утром и поздним вечером я поливал огород, набирая из протоки по пятнадцать ведер воды. На это у меня уходило не более часа в день. Остальное время я сторожил, то есть, говоря попросту, бездельничал.

Это оказалось самым трудным «занятием». От безделья я стал изобретать себе работу. Прежде всего, я принялся за сооружение мостков, чтобы к островку было легко причалить на лодке. Это заняло у меня два дня. Выбрал из сухостоя несколько толстых лесин, обтесал их с одного конца топором и вбил в дно от кромки берега метра на четыре вглубь, как сваи. В качестве «свай-бабы» прекрасно подошел большой и очень тяжелый плоский камень, найденный на острове. Затем сделал настил мостков из более тонких лесин.

Мостки получились замечательные: с них было удобно и купаться, и ловить рыбу. Но дед в свой очередной визит мою затею не одобрил. Он сказал хмуро:

– Удобно причалить, значит, удобно и украсть урожай.

Впрочем, и ломать мостки он мне не позволил. Видимо, они ему в глубине души понравились, только виду не показал.

А вот мое новое «изобретение» спустя несколько дней привело его в ужас. Я обнаружил, что камни в основании скалы, к которому был пристроен наш шалаш, очень легко разбираются и решил углубить пещерку, сделать её обитаемой. Это была не моя идея, а...Робинзона Крузо. Роман Дефо я тоже скачал в свой планшет. За день я углубил пещеру еще на метр. Но когда приехал дед, это привело его в ярость.

– Ну, и дурак ты, Сашка, – сказал он мне. – Скала теперь может обрушиться в любой момент. Эх, глупая голова, я чуть было не потерял внука.

... Он уплыл с острова только тогда, когда я осторожно под его руководством вернул все вывороченные камни на прежнее место и укрепил их.

Но вот мою страсть к рыбалке дед всячески поощрял и при этом подшучивал:

– Знаешь, Робинзон, рыбак он нигде не пропадет, даже на необитаемом острове. Когда я был таким, как ты, один французский врач и путешественник, звали его Ален Бом-бар, пересёк в одиночку Атлантический океан на надувной лодке, причем, совершенно без еды. В качестве научного эксперимента на выживание. Только ловил рыбу.

– А пил что?

– Выдавливал сок из рыб, он ведь пресный и у морской рыбы. Выжил, хотя и сильно похудел за два месяца. Я читал его книгу.

Первые дни я ловил рыбу на поплавочную удочку. Попадались только всякая мелюзга, которую я опускал в кастрюлю с соленой водой, а потом нанизывал на леску и сушил, привязав её между деревьями. Но при таком улове, если бы не бабкины разносолы, которые регулярно привозил дед, я бы отощал. Потом дед научил меня пользоваться удочками-донками. Я их забрасывал на середину протоки. Пошла рыба крупнее – подлещики, язи. Теперь к приезду деда у меня всегда была готова наваристая уха. А затем дед вдруг привез изумительный спиннинг, очень красивый и, видимо, очень дорогой.

– Откуда, деда, снасть?

– У приятеля конфисковал. Нам обоим за семьдесят. Какой уж тут спиннинг, ёлы-палы! Но им нужно уметь пользоваться. Сам я этой штуковиной управляться не умею.

Первый раз я услышал, чтобы дед признался: он что-то не умеет делать.

– Да что же тут сложного?

– А ты попробуй. Если раньше в руках не держал, сразу «борода» на катушке будет.

Я сделал заброс, на удивление он вышел гладким и далеким, я инстинктивно вовремя нажал на тормоз катушки. Но когда стал сматывать леску на катушку, у деда вообще полезли глаза на лоб:

– Смотри, Санька, щуренок! С первого заброса! Дуракам, как говорится, везет.

С этого дня я намертво влюбился в спиннинг. Часами забрасывал блесну в протоку и порой вытаскивал очень солидных щук и окуней. Этим, видимо, и объяснялось, что другой рыбы в протоке было мало – хищники её сожрали. Теперь дед в каждый свой визит большую часть моего улова увозил домой и, шутя, мне говорил, что бабка скоро объявит забастовку – ей надоело жарить щучьи котлеты.

Бабушка, которая приезжала на остров с дедом примерно раз в неделю порядком мне портила «чистоту эксперимента» с моей робинзоной. Каждый раз она привозила кучу еды – борщ, котлеты и прорву всякой домашней сдобы, так что на острове я не похудел, а стал поправляться. Кроме того, бабушка столько раз причитала по поводу моего затворничества на острове, что я радовался, когда их лодка, наконец, уплывала, и снова бежал за спиннингом.

В один из удачливых дней я так увлекся рыбалкой, что даже не заметил, что за мной наблюдают. Возле самодельных мостков стояла двухместная байдарка. На переднем месте сидела невообразимо красивая девочка моих лет в нарядном спортивном костюме, а сзади – пожилой мужчина.

Когда я их обнаружил, мужчина сказал:

– Место тут, видимо, уловистое. Вы не возражаете, если мы с внучкой причалим и немного порыбачим?

Я пожал плечами:

– Кто ж вам может это запретить? Река – она общая. Только, – я показал пальцем на прикрепленные к фальшборту байдарки две поплавочные удочки – на них и не пытайтесь, одна мелкота.

Но тут же я почувствовал, что уже одичал в одиночестве и мне совсем не хочется, чтобы эта симпатичная девчонка вместе со своим дедом сразу уплыла с острова. Поэтому солидно произнес:

– Если собираетесь здесь заночевать, то пару щук для ухи я вам подарю. А если мелочь наловите – ушица будет наваристее.

– Вот это дело, молодой человек, – обрадовался мужчина. – Мы – туристы, а рыбаки из нас плохие.

.. Был замечательный вечер. Мы варили уху на очаге, который я сложил из камней возле своего шалаша, и рассказывали друг другу истории. Выяснилось, что мои собеседники – москвичи, Валерий Иванович и Наташа, которые решили отправиться в большое путешествие по Волге. Они мне поведали о своих приключениях на реке, а я, распустив павлиний хвост, рассказывал им о Чукотке.

С нажимом я сообщил, поглядев на Наташу, что скоро отец скоро будет учиться в Москве, в академии Генштаба, и, возможно, я тоже поступлю после школы в московский вуз. Невыгодные особенности своей биографии, о матери и отчине, я опустил. Правда, в силу этого пришлось умолчать и о скорой поездке с отчимом на необитаемый остров в Атлантике. Объяснил, что я «сторожую» на острове и охраняю дедов огород.

Наташа тут же взялась помочь мне в вечерней поливке огорода. Естественно, мы вернулись с огорода с несколькими килограммами огурцов, помидоров и зелени, которые предназначались для их дальнейшего путешествия.

Кажется, я понравился москвичам, и внучке, и её деду. А когда я предложил обмен на ночь: они будут спать в моем комфортном шалаше, на «перине», набитой травой, а я – в их палатке, был общий восторг. Потом Наташин дед уснул в шалаше, а мы с ней еще несколько часов «резались» в компьютерные игры на планшете в палатке, пока не стал садиться аккумулятор.

После её ухода к своему деду в шалаш, я долго не спал. Разумеется, я влюбился в Наташу. Но когда я посмотрел на себя со стороны – на огородного «сторожа» в изодранных шортах с дедовой «дударкой» в руках, к тому же постоянно живущего где-то на краю света, – то понял, что мне нужно выкинуть из головы эту столичную штучку. У нас с ней в жизни разные дороги.

Утром, когда москвичи готовились к отплытию, Наташа как-то странно на меня смотрела. Мне показалась, что она чем-то недовольна. Но когда её дед уже занял свое место в байдарке, она подбежала ко мне, торопливо чмокнула в щеку и прошептала на ухо потрясающую новость:

– Ты будешь моим мужем. Через пять лет. Я записала в твой планшет свой адрес.

Батюшки святы! Она тоже в меня влюбилась. А я-то посчитал себя уродом, рядом с этой небесно красивой девочкой. Я провожал байдарку взглядом, пока она не скрылась за поворотом реки. Но Наташа так и не обернулась.

...

После отъезда москвичей жить на острове стало скучно, а вскоре и вовсе случилось ЧП. Несколько раз я замечал, что с нижней оконечности острова, отделенной от меня, как уже говорилось раньше, труднопроходимым местом с поваленным на землю сухостоем, ближе к сумеркам доносится какой-то неясный шум. Над водой по вечерам любой шорох слышен издали, а шум был всегда непонятным: то ли человек ходит в густой траве и кустарнике, то ли долгожданный дедов кабанчик, наконец-то, пожаловал на кормежку. Я решил, что с утра обязательно проберусь на южную оконечность и посмотрю. Если увижу кабаньи следы, то устрою засаду.

С утра я взял дедово ружье и стал пробираться через бурелом, который по сути и не был никаким буреломом. Просто во время паводка корни многих деревьев сгнили в воде, и они упали сами. Чтобы найти проход, вернее пролаз, между поваленными деревьями ушел почти час. Наконец, я вышел на поляну и почти сразу увидел кабаньи следы, который ни с чем не спутаешь.

Пошел за ним, раздвигая густую траву, и через несколько шагов увидел высовывавшуюся из зелени... человеческую руку. Она мне показалась уж слишком серой. Догадываясь об ужасном открытии и преодолевая подступившую к горлу тошноту, я снова раздвинул траву. На меня смотрел человек. Глаза его были широко открыты, но по мухам, сидевшим на его лице, было ясно, что человек мёртв и мёртв давно. Я побежал назад. Если бы не дедово ружье, которое было жалко бросать, я бы прыгнул в воду, чтобы преодолеть чертов бурелом водным путем. А так пришлось снова терять время на поиски пролаза.

Добравшись до шалаша, я сразу включил планшет, у которого была функция сотового телефона, и набрал домашний номер своих стариков.

Трубку долго не поднимали. Потом дед сказал:

- Алло, слушаю.

- Дед, ЧП. На острове труп.

Дед помолчал, потом сказал:

- Пристрелил, что ли, кого-то со страха?

- Нет. Нашел труп на юге острова.

- Не шутишь?

- Какие шутки!

- Тогда жди. Найду участкового и приплывем.

Ждать пришлось долго. Дедова лодка с жалким двух сильным моторчиком на корме отказывалась плыть быстрее шести километров в час. Но появились они даже не через час, а через два, видимо, дед долго искал участкового. Когда лодка уткнулась в мостки, я сам сел в неё, объяснив:

- Поплыли дальше, а то через бурелом придется долго продираться.

В отличие от сумрачного деда и меня, участковый выглядел так, словно его пригласили на пикник.

- Труп покалечен? - спросил он меня почти что весело.

- Вроде нет.

- Тогда всё ясно.

- Что ясно?

- Бомж или гровер.

- Какой-токой «гровер»? – удивился дед.

- Так называют себя те, кто коноплю на островах выращивают в укромных местах.

- Наркоманы?

- Не всегда. Иногда для себя, а когда и на продажу.

- Что, много таких? – спросил дед.

Милиционер стал сумрачным:

- Много, Андреич.

Когда мы причалили, участковый, он был в капитанском чине, попросил меня показать место, где я нашел труп, но самому не подходить близко.

- Вдруг это всё же убийство, – объяснил он. – Следы затопчем.

Капитан долго со стороны осматривал труп, потом что-то искал в траве вокруг, вернулся и удовлетворенно сказал:

- Гровер, как я и говорил. У тебя коса или тяпка есть?

- Обратился он ко мне.

- Тяпка.

- Тогда завтра, когда следователи труп уберут, возьмешь тяпку и выкосишь коноплю в этом месте. Выглядит она вот так – он протянул мне листик

растения. – Не паникуй, там работы на полчаса.

– Что, от конопли мужик и загнулся? – удивленно спросил дед.

Участковый рассмеялся:

– С марихуаны они начинают, а гибнут от героина. Там в траве пластиковый пакет валяется со шприцем. Я не стал его подбирать, чтобы не мешать следователю.

– А что он тут делал?

– Выращивал коноплю, видать, на продажу, потому что сам перешел на «герыч». Так сказать, совмещал приятное с полезным. Бьюсь о заклад, что на той стороне протоки мы найдем его шмотки и велосипед. Он же в одних плавках. Приехал сюда, разделся и поплыл на остров с пакетом в зубах. Тут прокультивировал свою коноплю, они ведь все знатные специалисты по выращиванию своей дури, и укололся. Укололся и сдох, как собака, – с неожиданной злостью сказал участковый.

– Зря ты так, Вася, – сказал дед. – Человек всё же был.

– Вот именно, был. Родился человеком, а потом сделал из себя животное.

Милиционер позвонил по сотовому своему начальству, потом мы переправились через протоку и, действительно, нашли велосипед и одежду покойного. Затем вернулись к моему шалашу.

– И долго нам тут кукарекать, Вася? – поинтересовался дел v участкового.

– До вечера, наверное. Куда следователю торопиться? Всё ясно. А водка есть, Андреич? – с надеждой спросил он деда.

– Ты же на посту, Вася.

– А ты бы сам нюхал каждую неделю эту тухлятину. И пацану твоему нужно налить рюмку – перепугался, наверное, до смерти, когда это зеленое «чудо» в

траве увидел.

- Он не пьет, - строго сказал дед.

- Зато мы выпьем.

Лодка у деда, как всегда, оказалась «оборудованной». Этим «оборудованием» дед называл бутылку самогонки и два граненых стакана, которые хранились под кормовой банкой.

Мы целый день просидели на мостках, болтая ногами в воде. Милиционер после выпивки разговорился и рассказал два десятка жутких историй про наркоманов.

Следователь и санитары приехали под вечер. Они погрузили труп на катер, прицепили к корме дедову лодку на буксир и все уплыли. Перед отъездом дед долго уговаривал меня уехать вместе с ним и переночевать дома, а завтра вернуться. Но я почему-то уперся и стал говорить, что эксперимент с «робинзонадой» будет нарушен. Ведь я не высидел на острове и месяца.

Однако сразу после их отъезда я пожалел, что остался. Как только стемнело, меня обуял страх - от увиденного этим утром лица смерти в траве и леденящих душу милицейских историй. Мне всё время чудилось, что по острову кто-то ходит, хотя умом я понимал всю глупость своих страхов. До утра я не сомкнул глаз, крепко держа в руках ружье, заряженное жаканами. На рассвете заснул тяжелым сном. Проснулся же от того, что меня разбудил... дед, сильно напугав спросонья.

- Как ты тут оказался? - Удивился я.

- Тебя вызывает отчим в Москву. Пора вам улетать в свою Америку.

- А как же огород и бахча?

Дед стал хохотать:

- Ты не знаешь наш город. Сегодня все только и говорят о трупе, найденном на острове. Теперь сюда никого и калачом не заманишь. Снимаем охрану.

– Подожди, я же обещал участковому, что выкошу коноплю.

– Тогда сейчас соберем твои вещи, погрузимся, а потом заедем на южную оконечность острова и выкосим коноплю в два счета. Собирайся.

... В конце июля было два необыкновенных дня, когда мы с отчимом летели из Москвы в Париж, а уже оттуда – в Латинскую Америку. Впечатлений было столько, что голова отказывалась их воспринимать в какой-то четкой последовательности..

Глава третья, в которой мы отправляемся на Остров мух

В поисках судна, которое могло бы нас завтра переправить на остров, мы обошли все пирсы в порту, но везде получили отказ и, разочарованные, решили перекусить в небольшой таверне прямо на берегу. Устроились за столиком на открытой веранде, примыкавшей к таверне. Хотя пестрая поливиниловая маркиза у нас над головами часто и громко хлопала от порывов океанского бриза, словно кто-то стрелял из пистолета, ветер с Атлантики не освежал. Даже сейчас, в седьмом часу вечера стояла удушающая жара – ведь до экватора было каких-то несколько сот километров.

Но вся латиноамериканская специфика этого «requena ciudad» (маленького городка) очень импонировала отчиму, намеревавшегося со временем стать местным «hombre de negocios» (бизнесменом). Он вальяжно развалился в плетеном кресле, видимо, уже представляя себя в будущем одним из столпов местного общества. Меня это забавляло. После того, как мать вышла замуж за отчима, однажды мы провели всей семьей отпуск, который длится у северян два месяца, в Сочи и его окрестностях. Отчим тогда громко назвал отпуск свадебным путешествием. Но теперь мне казалось, что этот городишко на Атлантике почти неотличим от сочинской окраины, таверна – от какой-нибудь забегаловки на черноморском побережье, а обилие экзотических цветов заставляло вспомнить о сочинском дендрарии. Разве что два десятка домов испанской колониальной

постройки в центре городка напоминали о том, что мы на другом конце света. Ну и лица местных креолов и мулатов были еще смуглее, чем у наших кавказцев. Впрочем, какой же смысл был перелететь на другую часть света, чтобы увидеть перед собой всё ту же назойливую рекламу кока-колы и китайской электроники? Глобализация. Если уж свалилось на голову отчима наследство, не проще ли было загнать этот остров и купить какой-нибудь пансионат на берегу Черного моря?

В голодные 90-е годы отчим был заурядным перекупщиком барахла, немало поездил по Европе, добирался и до Испании, так что теперь он заправски подозвал к нам официанта: «Сатагего!»

Отчим не отчаивался от неудачи:

– Не сегодня, так завтра найдем подходящее судно. Или катер, способный пройти две сотни километров по морю, или рыбацкую шхуну. Деньги, они и в Африке деньги. То есть, я хочу сказать, и в Латинской Америке. – Он захохотал. – Наверняка найдется бездельник, желающий заработать штуку баксов, и отвезет нас на остров.

С аппетитом уплетая какое-то местное острое блюдо, похожее на обычный российский гуляш, только сильно наперченное, и запивая его белым вином, отчим продолжал развивать свои планы об организации на острове туристического рая для «робинзонов»:

– Мне сказали, что там, э..., На *Moscas delaisla*, есть довольно приличное бунгало и обширный пляж. Если всё удачно сложится, построим рядом еще пару домиков.

– Лучше уж переведи на русский, – ехидно уточнил я название нашего предполагаемого туристического рая:

– На Острове мух.

Отчим досадливо поморщился и взорвался:

– И какой идиот дал острову такое дурацкое название?! Лучше уж было бы что-то страшное или таинственное. «Берег скелетов», например. Это привлекало бы туристов. А то даже обидно: остров мух. Фи. Нужно наш остров переименовать. – Он задумался. – «москас», «москас»... Очень смахивает на «московский». Московский остров на Карибах. А что, это, пожалуй, звучит для наших толстопузых...

– Да кто же теперь разрешит переименовывать остров, который есть на любой карте мира? – возразил я отчиму.

– Название как название. Я же тебе рассказывал: вычитал в интернете – откуда оно взялось. Когда-то в старые времена китобои разделявали на острове свою добычу и вытапливали ворвань – рыбий жир из китов и тюленей. Дело это очень вонючее и сопровождается множеством мух. Но это было два века назад. Сейчас там, наверное, нет ни одной мухи.

– Так уж и нет? – усомнился отчим.

Я пожал плечами:

– Наверное, нет. Муссонный климат. Несколько месяцев идут проливные дожди. И никто там постоянно не живет. Откуда взяться мухам? Растительности на острове с гулькин нос. А животных, наверное, вообще нет, кроме крыс, которые жрут разную падаль, выбрасываемую океаном на берег.

– Ладно уж тебе критиковать наш остров, – сказал отчим, но успокоился и снова начал развивать свою идею о строительстве нескольких бунгалов.

– На какие средства? – возражал ему я. – Туда же нужно всё будет завозить с материка. И все стройматериалы до последнего гвоздя, и рабочих.

– Чепуха, – убежденно говорил отчим. – Уже в первый же год разместим на острове какого-нибудь российского олигарха с семьей, решившего насладиться тишиной и первозданной природы, а вырученных денег потом хватит для расширения дела. – Он переменял тему: – Может быть, тоже выпьешь стаканчик вина, Александр?

– Нет, старик, – твердо отказался я.

Называть отчима «папой», как ему бы очень хотелось, я так и не научился, а слово «отчим» ему не нравилось. Поэтому я обращался к нему несколько фамильярно – «старик», хотя отчиму еще не исполнилось и сорока пяти.

– И правильно, – охотно согласился он, – до двадцати одного года не пей и не кури, а дальше я тебе не судья.

«Ты и сегодня мне не судья» – подумал я про себя, но промолчал.

С берега сильно тянуло всем букетом привычных портовых ароматов: запах моря, рыбы и гниющих водорослей смешивался с запахом солярки, стоящих у пирса суденышек, а где-то неподалеку была, очевидно, лесопилка, потому что еще и пахло свежераспиленным лесом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kas-yanenko_evgeniy/skelety-ostrova-muh

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)